
Глава 2.

1894–1896 годы

Я окончил Петербургский университет^а в 1894 г. Стал искать службу^а. Из лиц, которые могли мне в этом помочь, имелся ход к Н. В. Муравьеву, бывшему в то время министром юстиции. Отношения завязались лет 15–16 перед тем в Ярославле, где мой отец был председателем окружного суда, а Н. В. Муравьев — прокурором. В самом Министерстве юстиции я устроиться, однако, не мог, не имея юридического образования, так как окончил физико-математический факультет. Но от Н. В. Муравьева ожидалось хлопоты перед министром финансов С. Ю. Витте. Отец отправился со мною на прием к Н. В. Муравьеву. Отнесся он к нам приветливо. Взял заготовленную памятную записку с изложением ходатайства, обещал срочно передать С. Ю. Витте и посоветовал, не откладывая, пойти к нему на ближайший прием.

Через несколько дней отправились мы с отцом в Министерство финансов на Мойку. Как водится, пришлось подождать. К собравшейся публике вышел Витте и стал обходить посетителей. Дошел до нас. Отца он знал. Сказал, что предупрежден о нашей просьбе Н. В. Муравьевым. Принял от меня прошение, передал секретарю и направил меня к директору Департамента железнодорожных дел финансового ведомства В. В. Максимову.

Отдохнув после выпускных экзаменов в университете с месяц, я был определен в тарифное отделение железнодорожного департамента счетным чиновником на оклад в 50 руб. в месяц. Одновременно был оставлен при университете по кафедре астрономии у профессора С. П. Глазенапа, без стипендии.

Департамент, в ту пору недавно учрежденный, казенного помещения не имел и ютился над рестораном Кюба, в угловом доме на Большой Морской ул<ице>, по левой ее стороне, у Кирпичного переулка¹. Начальником отделения, в которое я попал, был некто Бяловеский, ревностный служака, начальством ценимый, но совершенно невоспитанный человек, покрикивавший на своих сослуживцев

^{а-а} Вписано вместо: «27-го мая 1894 г. Дата запомнилась потому, что пришлась на день моего рождения. Мне исполнилось 23 года. Дела моих родителей были в то время достаточно плохи. Надо было позаботиться о службе, чтобы снять с семьи материальную заботу обо мне».

иногда в крайне грубой форме. Далеко ли я от него стоял или по другой причине, но мне не пришлось испытать на себе грубости его обращения. Впрочем, я заранее приготовился к самому резкому отпору. *Столоначальниками были сын известного художника-живописца А. И. Крамской и П. П. Бельковский, помощниками столоначальника — Н. П. Дорофеев и женатый на дочери нововременского критика Буренина А. Г. Ковалев.* Меня засадили за расчеты впервые вводимшегося в ту пору поясного пассажирского тарифа и за проверку стоимости проездных пассажирских билетов². Приходилось заполнять тарифными ставками целые простыни, склеивая бумажные листы по частям на полу, так как на столах места не хватало. Я ожидал работы, требовавшей хоть сколько-нибудь соображения. Недовольный порученным делом, задавался вопросом: для того ли требовалось проходить интегрирование дифференциальных уравнений и небесную механику? С большим основанием я задавался тем же вопросом, работая над записями С. П. Глазенапа по производившимся им наблюдениям переменных звезд без применения какого-либо измерителя яркости, на глаз. Наблюдения, не имевшие ни малейшего научного значения. Скучная была работа.

Поклеив тарифы, проверив расчет нескольких серий проездных билетов, я переходил в служебные часы, когда не было работы, к решению ребусов, шарад и других головоломок из «Петербургской газеты»³, прислушивался к беседам сослуживцев, изредка и сам участвуя в них. Смеялись, шутили, пока не появлялся Бяловеский. Тогда разговоры умолкали. Чиновники зарывались в бумаги, как застигнутые за шалостями школяры.

* * * * *

Осенью в Крыму неожиданно, после недолгой болезни, скончался император Александр III. В департаменте нас приводили к присяге новому царю Николаю II. Вслед за похоронами Александра III, состоявшимися в Петербурге в Петропавловском соборе, Николай II вступил в брак с принцессой Гессен-Дармштадтской Алисой (имп<ератрица> Александра Федоровна)⁴.

* * * * *

На службе в Департаменте железнодорожных дел я чувствовал себя умеренно хорошо. Стали поговаривать, что особенно приятно, а по размеру содержания и более выгодно служитя в Департаменте торговли и мануфактур, где директором был в ту пору *модный*, даровитый, кипучей деятельности человек — В. И. Ковалевский.

Я был вхож к сенатору В. В. Калачеву, играя с ним в винт, когда не составлялось для него лучшей партии. Однажды пришлось играть с зашедшим к Калачеву В. К. Плеве, бывшим в ту пору государственным секретарем. Не помню, кто был четвертый. По молодости моей и скромности положения присутствие Плеве меня немало смутило, и играл я плохо. Калачев дулся и ворчал. Любопытно, как сделал В. В. Калачев свою карьеру. Ловкий оппортунист, он из либеральных предводителей дворянства пробрался в царствование Александра III в губер-

наторы и был губернатором весьма реакционным сначала в Харькове, а потом в Костроме, куда просил его перевести вследствие испугавших его в Харькове беспорядков. В Костроме позастрял. Стал мечтать о высших должностях в Петербурге. Случилось, что освободился пост директора Департамента земледелия. Решили взять не бюрократа, а испытанного сельского хозяина. Министру Островскому рекомендовали действительного знатока сельского хозяйства, рязанского крупного помещика и земского деятеля, брата Виктора Васильевича Калачева — Владимира Васильевича. Но Островский перепутал. Провел назначение не Владимира Васильевича, а губернатора Виктора Васильевича, знакомого с сельским хозяйством лишь постольку, поскольку сумел промотать не только собственное имение, но и земли и большое состояние своей жены. Назначенный директором Департамента земледелия по ошибке, В. В. Калачев на этой должности по некомпетентности не засиделся и был вскоре переведен в Сенат, а затем, благодаря умело использованным связям, в Государственный совет. Так вот этот самый В. В. Калачев предложил мне переговорить с В. И. Ковалевским и просить его взять меня в Департамент торговли и мануфактур.хлопоты Калачева увенчались успехом. Я был назначен весной 1895 г. в делопроизводство по устройству Всероссийской выставки 1896 года в Нижнем Новгороде⁵. Содержание мое сразу повысилось до 100 р. в месяц. Начальником делопроизводства был Иван Николаевич Лодыженский, пожилой, маленький, редко некрасивый, но умный и образованный человек, говоривший и писавший на нескольких европейских языках, имевший все данные для крупной бюрократической карьеры, но ее не сделавший по причинам, доподлинно оставшимся мне неизвестными. Вредили ему, вероятно, его весьма дурной характер и, по-видимому, что-то в его прошлом, связывавшее его, между прочим, с Ковалевским, в молодости пострадавшим за «красноту» и сидевшим в крепости⁶.

В выставочном отделении я попал на спешную, кипучую работу преимущественно редакционного свойства. Приходилось редактировать журналы выставочной комиссии и ее подкомиссий и писать исполнения по журналам. Работы было много. Постепенно я отходил от переменных звезд С. П. Глазенапа. Искал оправдания в том, что интересовала меня преимущественно теоретическая часть астрономии — небесная механика, отнюдь не составлявшая специальности С. П., преимущественно популяризатора-астронома и в некоторой степени астронома-практика. Но хозяином кафедры был С. П. Хочешь не хочешь, ориентируйся на него. А к практической астрономии я склонности не имел. Не примиряла меня с работою при С. П. и оценивавшаяся мною лишь с комической стороны сентиментально-поэтическая его настроенность. В результате я окончательно отошел от астрономии, которую мне навязывали взамен астрономии, которую я любил и которою занимался в бытность мою студентом под руководством профессора Жданова, впоследствии попечителя Московского учебного округа. Однако мне не раз пришлось, особенно в старости, пожалеть о проявленном мною в этом случае малодушии. Как ни неблагоприятно сложились обстоятельства, можно и должно было претерпеть и выждать, не сходя с лучшего в жизни пути научной деятельности.

Возвращаясь к воспоминаниям о службе и о людях, с которыми она меня свела, упомяну, что помощником Лодыженского по его должности заведующего временным выставочным делопроизводством при Департаменте торговли и ма-

нуфактур был некто Бобовкин. Делопроизводителей было 6 — *Бильбасов, Депре-радович, Мей, Фелькнер, фон Крузе, я — шестой*. Я был последний по времени назначения. Прикомандирован был к делопроизводству и состоявший одним из младших чиновников особых поручений при министре финансов камер-юнкер С. Т. Филиппов — сын государственного контролера, весьма в свое время популярного Тертия Ивановича Филиппова. Бобовкин не справлялся с редактированием журналов комиссий и наиболее сложных делопроизводственных бумаг, перегружая этим работу Лодыженского. Притом он отличался *крайнею* рассеянностью и неаккуратностью в ведении делопроизводства. В результате очередной оплошности, переполнившей чашу терпения *злого и раздражительного* Лодыженского, Бобовкин был смещен и, хотя по времени поступления я был последним вступившим в делопроизводство, ^аЛодыженский настоял на замене Бобовкина^а мною. Для меня новое назначение представлялось большим служебным успехом. Не говоря о иерархическом повышении, я выиграл вдвое на жаловании — со 100 рублей в месяц до 200 рублей.

Выставке я обязан встречами и знакомством со многими известными в ту пору людьми, в том числе с людьми выдающимися. Организация и заведование художественно-промышленным отделом выставки были поручены писателю Д. В. Григоровичу, морской отдел — адмиралу Скрыдлову, отдел русского Севера — П. П. Семенову-Тянь-Шанскому и т. д. Генеральным комиссаром намечался председатель Русского технического общества М. И. Кази, не попавший на эту должность вследствие происков нижегородского губернатора, бывшего с<анкт>-петербургского градоначальника генерала Баранова. Комиссаром был назначен скучный, бездарный В. И. Тимирязев, бывший в то время русским финансовым агентом в Берлине, а впоследствии, в годы кризиса власти, дважды пробравшийся на короткие сроки на пост министра торговли. Кази все же не оставил выставки и принял живое участие в ней. В организации выставки участвовал и член совета Министерства финансов Д. Ф. Кобеко, впоследствии член Государственного совета и директор Публичной библиотеки. Строителем выставки был близкий к С. Ю. Вите инженер путей сообщения Э. К. Циглер, помощником генерального комиссара — помощник начальника Монетного двора инженер Добронизский. Со всеми этими людьми приходилось часто встречаться и беседовать. По выставочным же делам довелось встретить Д. И. Менделеева. Познакомился и с известным оперным певцом Н. Н. Фигнером, с певцом и учредителем известного русского хора Агрневым-Славянским, видными представителями русского купечества Бугровым, С. Т. Морозовым, Крестовниковым и *многими* другими.

В начале весны 1896 года организовалось и переехало в Нижний управление генерального комиссара выставки, куда я не вошел, так как В. И. Ковалевский пожелал оставить меня при себе в Петербурге в качестве секретаря по делам выставки, а также для заведования делопроизводством по участию России в постоянно то здесь, то там устраивавшихся международных выставках в иностранных государствах. В управление комиссара вошли все мои товарищи по выставочному делопроизводству и назначенный из Министерства путей сообщения начальником канцелярии комиссара В. В. Прилежаев, впоследствии товарищ министра

^{а-а} Вписано вместо: «Бобовкина летом 1895 г. заменили».

торговли, специализировавшийся на работах по заключению международных торговых договоров.

С поручением мне делопроизводства по международным выставкам пришлось заходить время от времени в Министерство иностранных дел и там вести переговоры с встречавшимся мною у В. В. Калачева вице-директором Департамента внутренних сношений Н. А. Малевским-Малевичем. Деловые беседы скрепили частное знакомство. Впоследствии Н. А. Малевский-Малевич, сделавший большую дипломатическую карьеру, имел существенное влияние на мою судьбу.

Более важные доклады по выставочному делопроизводству направлялись на утверждение министра финансов; доклады же по более мелким делам шли к его товарищам Иващенкоу или Антоновичу. А. П.^а Иващенко, опытный и почтенный государственный деятель, пользовался общим уважением, и с ним считались. Антоновича же директора департаментов держали в черном теле. И если какой-либо доклад от него возвращался неутвержденным, то, не объясняясь с ним, представляли доклад либо С. Ю. Витте, либо Иващенкоу. Такое третирование Антоновича объяснялось разочарованием в нем самого С. Ю. Витте, призвавшего его к себе в товарищи из провинциальных профессоров, притом самых посредственных. Сам провинциальный деятель, проделавший свою выдающуюся карьеру начиная с должности начальника полустанка, С. Ю. Витте на первых порах работы на посту министра финансов полагал, что для освежения и улучшения центра нужны именно местные деятели. Но он неправильно исходил из собственного примера. Упустил, что работа в центре не имела ничего общего с работою на местах. *Одно дело творить закон, направлять работу, другое — исполнять директивы.* И если такой исключительно выдающийся человек, как Витте, не делается, а рождается министром и успевает на любом посту, где бы и как он ни начинал работать, то для человека среднего отсутствие исключительных дарований может компенсироваться, и то, конечно, лишь отчасти, только основательною подготовкою и накоплением опыта в сфере именно той деятельности, в которой ему предстоит занять руководящий пост. *Поэтому из местных деятелей пригодны для работы в центре только люди действительно выдающиеся. Если же таких людей нет, то надо довольствоваться для замещения высших должностей в центре наиболее даровитыми работниками центра же из числа обладающих соответственным служебным стажем.*

Кроме вызвавшего быстрое в нем разочарование Антоновича, С. Ю. Витте призвал еще из местных деятелей в центр на должность директора Департамента неокладных сборов, для проведения питейной реформы, начальника акцизного округа на Кавказе С. В. Маркова. Назначение это явилось вторым разочарованием для министра⁷. Пришлось за Маркова работать С. Ю. Витте самому. И, как говорят, Витте поклялся больше местных деятелей в центр не призывать. Действительно, все последующие его ближайшие сотрудники по Министерству финансов приглашались им из центральных установлений.

Надо было отделаться от Антоновича, да и от Маркова. В крайнем случае, от одного Антоновича, с тем, чтобы его заменить товарищем министра, способным руководить работою, возложенною на Маркова.

Витте остановился на мысли заменить Антоновича В. Н. Коковцовым (бывшим в то время товарищем государственного секретаря) с оставлением Маркова.

^а В рукописи ошибочно: «А. И.»

Мысль эта была *исключительно* удачная. Коковцов, опытный петербургский бюрократ, достаточно сведущий в финансовом управлении, так как был в свое время статс-секретарем Департамента экономии Государственного совета, конечно, был бы неизмеримо более на месте товарища министра финансов, нежели окончательно провалившийся Антонович. И на него же возможно было бы возложить работы по проведению питейной реформы. Но одновременно обезвреживался главный нерв творившейся в Государственном совете оппозиции Витте. Коковцов в должности товарища государственного секретаря обслуживал эту оппозицию умелыми техническими советами, доставляя необходимый для выступлений против проектов Витте материал с усердием исключительным и ревностью необычайной. По видимому, уже тогда он мечтал сесть на кресло С. Ю. Витте. И, по свойственному самомнению, значительно переоценивал себя, пытался свалить Витте, не дожидаясь естественного завершения карьеры этого большого человека, влияние которого в ту пору только крепло и росло. Как бы то ни было, но если не парализовать, то ослабить оппозицию привлечением к себе вредившего ему в Государственном совете Коковцова было для Витте во всех отношениях желательным. Министр финансов располагал возможностью увеличить содержание своего товарища добавочными назначениями к штатному окладу до цифры весьма соблазнительной. И Витте соблазнил Коковцова. Убеденное одухотворение Коковцовым оппозиции Витте в Государственном совете было сломлено тяжестью предложенных рублей. Из врагов Витте Коковцов стал на время его послушным товарищем. Антоновича устроили членом совета министра народного просвещения, где он увял окончательно, настолько, что все о нем позабыли, и что с ним далее случилось, этим никто никогда не интересовался. Местный деятель в центре не удался. Другой местный деятель, С. В. Марков, продолжал работать, но уже не самостоятельно, а под руководством Коковцова. С преобразованием Департамента неокладных сборов в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Марков был автоматически переименован начальником этого управления, а затем, во внимание к большому возрасту, сановности и заслуженной репутации *доброго, многого и* во всех отношениях почтенного человека, был назначен некоторое время спустя членом Государственного совета.

С Коковцовым я *без всякого удовольствия* встречался у общей знакомой Е. К. Мамоновой, вдовы директора бывшего Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Самовлюбленный, чванливый, болтливый, сам себя слушавший, говоривший гладко, но с резким неприятным тембром голоса, Коковцов производил несимпатичное впечатление. Да и деловые качества его были не так уже высоки. Хороший стилист, недурной оратор, хотя, по многословию, и невыносимо скучный, с кое-какими знаниями, но без солидного их фундамента, — вот и все, что можно было сказать о нем положительного. Ловкий, крупного масштаба карьерист. С другой стороны, полное отсутствие творчества и инициативы. Панический страх всякого новшества. Если бы не умелый, а быть может, лишь счастливый подбор сотрудников, Коковцов был бы совершенно немислим на тех высоких постах, которые ему готовила его карьера.

У Маркова я бывал. Мы состояли в свойстве. Его брат был женат на моей тетке. В обществе он был заслуженно ценим, любим и уважаем. Любезный, благожелательный, хлебосольный, он очаровывал и интересною беседою, в которой отражались отчетливые впечатления его богатой наблюдениями жизни.

Возвращаясь к Нижегородской выставке, упомяну, что незадолго до ее открытия В. И. Ковалевский, отправляясь в Нижний, предложил и мне ехать с ним. Поехали и Д. Ф. Кобеко и Д. В. Григорович. Прихватили, для обозрения заканчивавшихся устройств выставки и для отзыва о ее перспективах, пожелавшего к нам присоединиться известного журналиста-писателя А. В. Амфитеатрова. Путешествовали в салон-вагоне, где каждому было предоставлено полукупе. Сидели преимущественно вместе в салоне. Беседы велись оживленные на самые разнообразные темы. Наиболее интересным, увлекательным собеседником был *милейший* В. И. Ковалевский. Д. Ф. Кобеко, чопорный и злой, представлялся в достаточной степени скучным. Д. В. Григорович не столько рассказывал, сколько злословил и ядовито шутил. Блестящий стилист и остроумный писатель А. В. Амфитеатров оказался чрезвычайно тяжел в живой речи. Огромен, черен и грузен был он и по внешнему своему облику. Говорил нескладно, грубо. Силился быть на слове остроумным. Но это ему не удалось. Его надо было читать, но не слушать.

Выставка раскинулась на левом берегу Оки недалеко от впадения ее в Волгу. *Центр города, расположенного на Волге, занимает, как известно, правый берег Оки.* Выставочные здания, внушительные и изящные, были закончены. Производилась разгрузка и установка экспонатов. На самой территории выставки были построены *прекрасные* барачные гостиницы с уютно обставленными номерами и уже функционировавшими ресторанами.

Я попал в Нижнем в атмосферу необычайного бюрократического напряжения. Баранов интриговал против Ковалевского и Кази. На выставку ожидался приезд царя из Москвы после предстоявшей церемонии коронации. Ожидались и царские гости, имевшие присутствовать на коронационных торжествах. В порядке охраны Баранов был облечен необычайными полномочиями. Пользуясь ими, он тормозил все начинания Ковалевского и Кази, взяв в подозрение все выставочное управление. Для ознакомления с выставочными делами он перлюстрировал *всю деловую* корреспонденцию выставки. Еще задолго до нашей поездки в Нижний В. И. Ковалевский разработал со мною шифр для сношений с генеральным комиссаром. Но нет шифра, который не поддавался бы раскрытию. Наш же шифр был простенький. К тому же Тимирязев сам интриговал против Ковалевского и, весьма вероятно, просто-напросто передал Баранову шифр. Вставление палок в колеса проделывалось со всем свойственным Баранову искусством.

Уже по моем отъезде из Нижнего, почему я об этом догадался только впоследствии, а подтверждение своим догадкам получил лишь много лет спустя, с Барановым решили договориться. Ему была обещана крупная денежная награда после посещения выставки царем и его гостями. Баранов, будто, запросил 200 000 руб. Но столь крупные денежные назначения тогда не производились. Как-то летом Ковалевский поручил мне составить от имени министра финансов доклад царю о выдаче Баранову в награду за его труды по содействию проведению выставки 20 000 р. Когда я выразил удивление по поводу и этой награды, и казавшегося мне преувеличенным размера выдачи, Ковалевский посмеялся и сказал мне: «Вы думаете, он останется доволен? Поверьте — будет сердит». И действительно, разгневался очень. Во время моего пребывания в Нижнем, пока еще не договорились, ощущалась крайняя нервность в верхах выставочного управления. Ковалевский сменял изысканную любезность во внешних от-

ношениях к Тимирязеву вспышками открытого гнева. Холодный, деревянный Тимирязев был неизменно внешне корректен. Но он всею душою ненавидел Ковалевского и ненависть к нему перенес и на меня, ввиду близости моей к Ковалевскому. Холодность проявлял ледящую. Меня она забавляла. Но наиболее забавна была проявлявшаяся по отношению ко мне сдержанность со стороны сделавшихся подчиненными Тимирязева некоторых бывших моих товарищей, думавших сдержанностью этою угодить Тимирязеву, а быть может, и действовавших по его указанию. Даже на деловые мои вопросы я получал только уклончивые ответы. *Я не настаивал.*

Вернувшись из Нижнего, я все лето 1896 г. работал в Петербурге. Отпуска не имел. Ковалевский несколько раз ездил в Нижний и зачастую подолгу оставался там. В круг моих обязанностей входило, между прочим, содействие проезду в Нижний представителям прессы. Однажды я получил распоряжение озаботиться предоставлением купэ «видной» корреспондентке берлинских газет Шабельской. Распоряжение было исполнено, и она поехала. Потом до меня стали доходить слухи, рисовавшие Шабельскую в образе Мессалины, покоровшей своими чарами и Кази, и Ковалевского, и одновременно с ними многих других. Одно достоверно — это сделавшаяся в достаточной степени открытою связь Шабельской с Ковалевским, завершившаяся через несколько лет нашумевшим процессом по делу о подделке векселей Ковалевского. Процесс этот в свое время привел к падению Ковалевского и к его выходу в отставку с поста товарища министра финансов⁸. Во время же выставки неожиданно, в расцвете здоровья и сил, скоропостижно умер в Нижнем М. И. Кази, почти на руках у В. И. Ковалевского. Злая молва связывала смерть Кази с именем Шабельской и с особенностями ее темперамента. Но Ковалевский представлял дело иначе. С Кази давно не ладил Баранов. Были у них счеты в прошлом, с того времени, когда оба служили во флоте. Баранов рьяно воспротивился назначению Кази генеральным комиссаром выставки, заявив, что в случае такого назначения он слагает с себя ответственность за порядок в Нижнем и за безопасность в нем имевшего прибыть на выставку царя. Назначение Кази, как упомянуто, поэтому не состоялось. Но он все-таки прибыл на выставку и играл на ней видную роль. Баранов не скрывал своего раздражения. Стал с Кази на ножи. Но он боялся Кази. Опасался каких-то компрометантных с его стороны разоблачений. Совпадение или что, чему не хочется верить... Баранов неожиданно приглашает Ковалевского и Кази к себе на обед. Ковалевский уговорил Кази поехать. Вернувшись с обеда, Кази стал жаловаться на нездоровье. Ковалевский и Кази жили в гостинице в двух смежных номерах. Утром Ковалевский пришел к Кази и нашел его мертвым. Днем приезжал Баранов и театрально манифестировал не вытекавшие из его отношений к покойному *слишком* шумные сожаления. Ввиду невыясненности причины смерти, Ковалевский настаивал на вскрытии тела. Но этого не было сделано.

* * * * *

К концу лета выставка была закрыта. Осенью выставочное управление вернулось в Петербург, и было приступлено к ликвидации дел выставки и к составлению по ним отчета. Приближалось время исчерпания кредитов на содержание

персонала выставки, и в том числе на мое содержание. На этот случай я имел в перспективе обещание Ковалевского назначить меня на составлявшую предмет моих вожделий должность чиновника особых поручений Департамента торговли и мануфактур, недавно освободившуюся за получением занимавшим ее лицом другого назначения. Я терпеливо ждал, тем более что не исчерпались еще выставочные кредиты. Но в конце ноября — начале декабря выяснилось, что я жду напрасно. Обещанное мне место понадобилось брату окончательно забравшей В. И. Ковалевского в свои руки Шабельской. Я был расстроен и озабочен своим будущим. Не скрывая от сослуживцев своих забот, поведал о них и Сергею Филиппову, сыну государственного контролера Тертия Ивановича Филиппова.

Вскоре, поднимаясь однажды к тетушке кн. Д. П. Оболенской в квартиру ее в доме графа Протасова-Бахметева на Невском против Троицкой улицы, встретил на лестнице Тертия Ивановича. «Вас, — говорит, — обижают в Министерстве финансов. Идите ко мне. Будьте только мудры. Последуйте примеру евреев при их исходе из Египта. Уходя, они захватили с собою собранные у египтян вещи серебряные и вещи золотые, и одежды⁹. Приближается Рождество, а с ним выдача наградных денег. Заберите наградные в Министерстве финансов и тогда идите ко мне». Смеясь, я благодарил и обещал поступить по указанию Тертия Ивановича. Наградные выдали до праздника. Я подал прошение о переводе в Государственный контроль к Тертию Ивановичу. Он распорядился назначить меня младшим ревизором в Департамент гражданской отчетности на годовой оклад содержания вместе с наградными в 2000 р. Тем временем кто-то из моей родни, полагаю, кн. Николай Дмитриевич Оболенский, полковник конной гвардии, впоследствии управляющий «Кабинетом его величества», через кого-то, вероятно, через супругу С. Ю. Витте Матильду Ивановну, пристыдил В. И. Ковалевского за его поведение по отношению ко мне. Ковалевский меня вызвал и, явно будируя за высказанный, хотя и не по моему почину, упрек, предложил мне соответствующую должности младшего ревизора должность столоначальника в его департаменте. Так как она была ниже обещанной мне в свое время должности чиновника особых поручений, и тон предложения мне не понравился, то я отказался. «Ваши требования чрезмерны, — с раздражением заметил Ковалевский. — В тридцать лет (мне шел 26-й год) вам будет мало и должности министра». Мы расстались. Хотя я был обижен Ковалевским, но дурного чувства не сохранил, настолько, все-таки, он был обаятельный человек и служилось мне с ним в свое время легко и приятно.